

Язык современного Киева как феномен в славянском мире (по результатам социолингвистических исследований)*

М. С. ХМЕЛЕВСКИЙ, О. В. РАИНА, А. Г. БОДРОВА

Кафедра славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 11, RU-199034 Санкт-Петербург
E-mail: chmelevskij@mail.ru, raolga80@mail.ru, bodrann@gmail.com

(Received: 17 July 2019; accepted: 14 October 2019)

С целью максимально объективного получения представления о языковом срезе современного почти трехмиллионного украинского конгломерата, киевский городской диалект следует рассматривать с учетом целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (причем в их совокупности), которые обусловили его актуальное состояние во всем многообразии своего проявления. Он по сути представляет собой уникальный феномен в современном славянском мире, имея исторические и экстралингвистические корни (Кузнецова–Савченко–Хмелевский 2018: 93).

В данной связи оговорим, в чем заключается такая уникальность. В первую очередь, это сам социальный состав жителей Киева, который по большей части складывается из переселенцев в первом, втором или третьем поколениях из восточных, центральных и южных сельских регионов Украины, которые, будучи русско-украинскими билингвами (в той или иной степени – см. ниже), исконно пользовались либо русским языком в его просторечном оформлении и расшатанной норме (например, Харьковская, Сумская обл.), либо поднепровскими диалектами (например, Киевская, Черкасская, Полтавская обл.), либо смесью обоих языков в разных формах его проявления – т. е. суржилом (например, Черниговская, Житомирская обл.), либо литературным русским языком (например, Днепропетровская, Запорожская, Кировоградская, Одесская, Николаевская и др. обл.) (см. Мацюк 2004, Хмелько 2004: 4, Хмелевский–Раина 2019: 50).

Рост численности населения Киева за счет приезжих из сельской местности или мелких населенных пунктов (реже крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины) обусловил явление своеобразного так называемого «киевского многоголосья» в рамках одного мегаполиса, а также языковой

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение социолингвистических исследований городского диалекта Киева: языковая многокодовость и киевское русскоязычие на фоне русско-украинского билингвизма» (№ 19-012-00613 А).

сдвиг в сторону русского языка как более престижного языкового кода общения, который в рамках рассматриваемого конгломерата в стереотипном сознании имеет маркер коренного столичного жителя. Языковой портрет столицы Украины также характеризует способность ее жителей переходить («переключаться») с одного языкового кода на другой (русский язык, суржик, украинский язык) в зависимости от коммуникативной ситуации, общественно-социальной сферы коммуникации и уровня общения (будь то административные органы, образовательные и культурные учреждения, мероприятия патриотического или религиозного характера, а также факторы непринужденного бытового общения), в том числе и от языкового кода собеседника.

Данное явление сильно отличает «язык Киева» от других крупных городов Украины, где подобная многокодовость в речевой действительности повседневного общения не так сильно выражена. Например, житель Одессы, Харькова, Чернигова, Днепра или Тернополя, Ивано-Франковска и др. в любой коммуникативной ситуации по большей своей части склонен пользоваться своим родным, привычным для него языковым кодом, тогда как житель Киева способен переходить с одного языкового кода на другой в силу вышеуказанных коммуникативных причин.

Так, например, городское койне Загреба (SESAR 1996: 79, 135) не может служить полным аналогом киевскому «многоголосью», где в сущности также имеет место быть явление поликодовости, в частности, двукодовости – литературный язык и загребское койне (LONČARIĆ 1998, НЕЩИМЕНКО 2003: 41). На фоне славянского мира киевскую городскую языковую ситуацию в рамках одного конгломерата можно отдаленно сравнить, например, с интердиалектом Люблины, где, как и в Киеве, население исторически складывалось по большей части из выходцев из сельской местности, у которых наблюдается языковой сдвиг в сторону люблянского койне, имеющего более престижный социальный статус как общественно-социальный маркер столичного жителя (МАКАРОВА 2004).

В данной связи особо отметим, что язык Киева с его «многоголосьем» в значительной мере может быть противопоставлен городским диалектам других украинских конгломераций с их ярко выраженной той или иной языковой выраженностью и однокодовостью: например, превалирующее русскоязычие Одессы, Николаева, Днепра, Запорожья, Кропивницкого и т. п., просторечная форма русского языка в таких городах, как, например, Харьков, Сумы, Донецк, Хмельницкий, Винница, русско-украинский суржик в разных его проявлениях в Чернигове, Черкассах, Житомире, Черновцах и др., диалекты украинского языка в городах Западной Украины и т. п. Нередко в русскоязычных, украиноязычных, суржикоязычных и диалектноязычных городах страны у говорящего есть возможность остаться непонятым в случае, если он не переходит на принятый в том или ином регионе языковой код.

Приведем ряд показательных примеров для иллюстрации вышесказанного: *Скажіть, будь ласка, де тут маршрутки зупиняються? – Найдите себе другую будь ласку и спрашивайте, а я не знаю* (Кременчуг); *Вибачте, розра-*

хуйте мене, будь ласка, скільки я винний? – В смысле должный, да? (Нежин); А де тут книгарня? – Шооо, книжный магазин шо ли? (Одесса); А пільг у вас не має? – Кого у нас нема? (Харьков); Скажіть, де тут водограй. – Хтооо? Это шо такое? (Винница); Вона меня просит за якісь матузок, а я не сразу поняла, шо це ж веревка (Винница) и др. (ХМЕЛЕВСКИЙ–САВЧЕНКО 2019: 120).¹

Своим «многоголосьем» ярко выделяются такие города, как Львов и Ужгород, население которых по большей части состоит из выходцев из сельской местности, т. е. носителей западноукраинских диалектов, а также украинской интеллигенции, т. е. носителей литературного украинского языка, и русских, обосновавшихся там в XX веке, которые по сей день пользуются литературным русским языком. Однако, подчеркнем, что в отличие от киевлян, мы не наблюдали явления переключения языковых кодов в зависимости от общественно-социальной ситуации или языка собеседника.

На фоне вышеперечисленных факторов язык Киева характеризуют следующие черты: 1) у жителей украинской столицы наблюдается исторически и социально обусловленный языковой сдвиг в сторону русского языка; 2) в зависимости от экстралингвистической ситуации киевляне способны переключать свой языковой код, ориентируясь на код собеседника или сферу и место коммуникативного процесса; 3) использование одного языкового кода в бытовом общении (зачастую русского языка), а на официально-деловом уровне – украинского литературного языка; 4) ярко выраженный русско-украинский билингвизм и способность переходить с одного языка на другой; 5) маркированность украинского языка как языка представителей гуманитарной интеллигенции и политической элиты, которые зачастую в бытовом общении, по нашим многолетним наблюдениям, пользуются русским языком.

Подобная языковая ситуация в рамках одного города формировалась исторически, она имеет свои глубокие корни и обуславливает факт языкового сдвига в сторону русского языка. Будучи билингвом, житель Киева склонен пользоваться русским языком, поскольку украинский остается в его сознании языком 1) села, 2) политической элиты, 3) высокообразованных кругов и творческой интеллигенции (МАСЕНКО 1999: 51). Также важную роль играет фактор социального происхождения киевлянина и уровня образованности в смысле владения русским литературным языком. Русский язык в Киеве до сих пор остается неким маркером столичного жителя, тогда как суржик – языком среднего и низшего социального класса (САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 337, КУЗНЕЦОВА–САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 95).

¹ Здесь и далее приводятся примеры, собранные нами в ходе полевых исследований, проведенных в различных регионах Украины на протяжении последних 10 лет. Предметом нашего лингвистического исследования прежде всего была неподготовленная, спонтанная речь информантов – представителей различных социальных слоев как наиболее показательная для решения поставленных целей и задач по освещению современной, живой и действительной языковой ситуации на Украине. В настоящей статье мы приводим наиболее иллюстративные примеры из всего собранного нами многочисленного материала, указывая в скобках регион их происхождения, что является крайне важным для анализа всей языковой и экстралингвистической палитры современной Украины (ХМЕЛЕВСКИЙ 2017: 81).

По этой (и не только) причине второе и третье поколение киевлян, являясь русско-украинскими билингвами, пользуются в своей повседневной речи русским языком, причем нередко в его просторечной и даже сильно жаргонизированной форме, возведенной до уровня нормативного непринужденного общения (Урсуленко–Хмелевский 2007: 47). Факты стереотипного представления о престижности русского языка в Киеве складывались в силу ряда причин, поскольку исторически (XIX – начало XX вв.) сам по себе город представлял собой специфический социально-разнородный полис, состоявший из

а) русского дворянства и зажиточных помещиков, владевших особняками и приезжавших в Киев на ограниченный период времени;

б) государственных служащих, чиновников, юристов и т. п. (русскоязычных), которые постоянно проживали в Киеве как в одном из значительных пунктов административного управления «малороссийскими» землями в до-революционной России;

в) сравнительно незначительных по численности русскоязычных представителей образованных людей, объединенных в основном вокруг Киевского университета (поскольку образование велось исключительно по-русски в рамках языковой политики Российской империи, нацеленной на искоренение украинского языка из системы образования, что в значительной мере обусловило как таковой факт языкового сдвига в сторону русского языка у киевской интеллигенции еще в XIX веке (тогда как вся украиноязычная интеллигенция в то время была сосредоточена в основном в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии), а также в численном преобладании;

г) мелких торговцев, предпринимателей, купечества – носителей русского языка, а также многочисленных представителей еврейской и польской национальностей, которые в бытовом общении использовали или идиш, или польский язык, соответственно, а, вступая в коммуникацию с местным населением либо в деловом общении – русский язык, но в его конвергентной форме на базе своего родного (см. Масенко–Залзняк 2001: 24, Кузнецова–Савченко–Хмелевский 2018: 98).

В настоящее время столица Украины в большинстве своем (с определенными оговорками) остается фактически русскоязычной, что является следствием вышеприведенных исторических, экстралингвистических и прочих причин (Хмелевский–Савченко 2019: 119). Наши социолингвистические исследования, а также фиксации, полученные в результате интервьюирования жителей Киева, дали следующие результаты современной языковой ситуации и языкового сдвига в сторону русского языка, которые в общих чертах классифицировать следующим образом:

1. На вопросы о причине выбора в качестве средства общения русского языка наши респонденты давали следующие комментарии, которые типологически можно обобщить и классифицировать следующим образом (по частотности ответов респондентов):

а) не с кем общаться по-украински;

б) в Киеве отсутствует массовая украиноязычная культура, в отличие от Львова, Ивано-Франковска, Тернополя и других культурных центров Западной Украины;

в) в большинстве случаев в бытовом общении я пользуюсь русским языком, так как ко мне обращаются по-русски персонал сферы услуг, торговли, а также чиновники в государственных учреждениях;

г) я вырос в русскоязычной среде, хотя владею украинским языком;

д) с детства было стыдно говорить на украинском языке, потому что все смеялись в школе;

е) украинский язык – это язык села, и кто говорит на нем, тот в Киеве считается провинциалом;

ж) если в Киеве говорить по-украински, люди подумают, что с тобой «шо-то не так»;

з) литературный украинский язык – это язык киевской творческой интеллигенции, образованной среды и политических кругов, соответственно, говоря на том или другом языковом коде, человек повышает или понижает свой социальный статус;

и) если говорить по-украински, то тебя не всегда поймут;

й) если в Киеве говорить по-украински, то все подумают, что это человек или с Западной Украины, или из села;

к) так получилось, что русский язык более привычен для непринужденного общения, а украинский подходит для серьезных бесед на высокие темы;

л) украинский язык – это язык литературы и поэзии, на нем невозможно шутить.

2. Ответы киевлян на вопрос, в каких случаях или ситуациях они переходят на украинский язык, типологизируются так (по частотности ответов респондентов): а) никогда; б) с сельскими жителями или на рынке; в) в украиноязычной среде, что очень редко; г) в театре, в университете, музеях, на официальных мероприятиях; д) если собеседник настаивает.²

² Интервьюирование и социолингвистические исследования проводились в рамках полевых исследований современной языковой ситуации Киева в 2018–2019 гг. Нами было опрошено более 1500 информантов, а также для выводов были использованы сведения, полученные от студентов и преподавателей Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, а также представителей киевских СМИ. Заключение, приводимые в настоящей статье, неоднократно обсуждались, анализировались и формулировались на кафедре славянской филологии КГУ и научными сотрудниками Киево-могилянской академии, которые подтверждали и корректировали собранный нами материал. Методология интервьюирования заключалась в том, что информант не подозревал о проводимом исследовании, поскольку для нас для сбора максимально объективного материала был важен фактор непринужденного общения, в ходе которого были получены данные заключения и зафиксированы примеры из киевской разговорной речи, которые приводятся в настоящей статье. Принцип выбора данной методологии интервьюирования обоснован тем, что, заведомо зная о проводимом лингвистическом исследовании, информант переключал свой языковой код, что не давало бы представления о действительной современной языковой ситуации Киева. Особо отметим, что нас не интересовал политический вопрос, а исключительно социолингвистический аспект городского диалекта столичного мегаполиса – уникальное явление в славянском мире и предмет для научного изучения.

Украинский литературный язык в Киеве остается языком киевской интеллигенции, представителей творческих кругов, преподавателей, высокообразованных людей (в основном гуманитариев), политической элиты (причем по большей части в рамках официальной коммуникации, а не в повседневном общении) и в незначительном в количественном отношении обычных городских жителей с высокой степенью национального самосознания, в основном среди молодого поколения. Они пользуются литературным украинским не только в официальном, но и в бытовом общении, что для Киева до сих пор остается численно низким языковым явлением (ХМЕЛЕВСКИЙ 2017: 85).

При этом говорящий на правильном украинском литературном языке в сознании других ассоциируется с описанными выше кругами общества, что также связано с повышением в последнее десятилетие «престижа» украинского языка в Центральных районах Украины. Как следствие подобного социально-функционального расслоения возникает такой психологический факт, что, «общаясь на украинском языке, вы автоматически употребляете «высокий стиль», а когда переходите на русский или суржик, то рискуете незаметно опуститься если не до уличного сленга, то до низкого стиля, панибратского» (ЗАБУЖКО 2000: 57).

На формирование подобной ситуации оказал значительное влияние и тот факт, что элитарное искусство, культура, современная литература создается на украинском языке, это язык политической элиты, на нем ведется преподавание в вузах и школах, это государственный язык страны. Русский же – в силу ряда объективных (социальных, политических и исторических) причин – в крупных городах Украины стал языком бытового общения, языком сферы обслуживания, на русском языке издаются второсортные печатные издания, выпускается низкокачественная теле- и кинопродукция, желтая пресса, поп-культура и т. п. Однако стоит обратить внимание на то, что влияние современной элитарной украинской культуры на массы довольно слабо выражено по сравнению с повсеместным воздействием русскоязычного массового культурного фона, который количественно во много раз превосходит первую (СМИ, российская попса, шансон, кинематограф и т. п.), тогда как потребителем современной элитарной украинской культуры остается все та же украиноязычная (в основном гуманитарная) интеллигенция.

В значительной мере в языке киевлян также представлен и суржик, т. е. смешение русского и украинского языков, которое также представляет собой феномен в славянском мире (за исключением русско-белорусской «трасянки», которая сравнительно менее выражена и количественно уступает суржику) (NAZARENKO 2012: 246). Им пользуются в основном жители Киева, переехавшие в украинскую столицу в первом или во втором поколении из центральных и восточных регионов страны. Суржик как языковое явление, которое формировалось веками вследствие исторического взаимодействия русского и украинского народов, а также языковой конвергенции и взаимопроникновения двух близкородственных языков, в Киеве несет в себе маркер сниженного стиля и в социальном отношении воспринимается как речь

малообразованного человека. В отличие от литературного украинского или русского языков он не имеет в сознании киевлян статус престижности в социальном плане, однако факт частотности его использования в бытовом общении на улицах Киева, по нашим наблюдениям, является неоспоримым.

Феномен киевского обиходно-бытового языка заключается том, что он в зависимости от социокоммуникативной ситуации может быть в той или иной степени русифицированным или украинизированным (ФЛАЙЕР 2010: 289), поскольку даже в одном монологе одного и того же говорящего зачастую отсутствует какая бы то ни была закономерность в грамматическом, словообразовательном, лексическом или синтаксическом плане. Приведем ряд иллюстративных примеров вышесказанному: *Та **шо** я там знаю, **чѣ** вони там собі ели. То, **што** они пили – это знаю, а **чег**о закусывали – **штоб** я знала! – чѣ-то закусывали, на pewno, а вот **шо** – не могу до точности сказать, **чѣ** то у них там стояло на стол – вот тебе таки братья-акробаты – я ж тобі кажу, **шо** не воскресенье – то у нас в хаті такой майдан, **што** хоть з квартиры ногі делай. **Чѣ** їм вечно не хватает – **шоб** я знала, то б ответила; **А тобі яку** колбаску порізати, **какая** на **тебя** вкуснее смотрит?*³

Данные примеры иллюстрируют вышеприведенного заявления о невозможности лингвистической систематизации киевского городского диалекта даже в рамках одного монолога.

В этой связи также особо следует отметить и сам факт киевского русскоязычия. С одной стороны, он, как было отмечено выше, имеет маркер социальной престижности, или «столичности», а с другой – он в значительной степени отличается от языка крупных городов России. Разница заключается прежде всего в его стилевом функционировании, в частности речь идет о сильно расшатанной норме русского языка, которая в киевском узусе воспринимается как нормальная форма обыденной коммуникации. Подобный способ изъяснения главным образом отражает привычный для жителей Киева (и не только Киева) своеобразный стиль общения, который подразумевает в себе юмористический оттенок способа построения коммуникативного акта. С одной стороны, его характеризует сатирическо-саркастическая манера ведения диалога, причем даже с незнакомым собеседником, который воспринимает ее как норму повседневного общения, с другой – зачастую слабая языковая компетенция, т. е. тонкое и глубокое чувство литературного русского и украинского языков, что является следствием русско-украинской конвергенции, что стало причиной довольно поверхностного знания обоих языков и фактически языкового сдвига в сторону русского языка в его просторечной форме (ХМЕЛЕВСКИЙ–САВЧЕНКО 2019: 118).

Из собранных нами в ходе полевых исследований особо примечательны и показательны такие фиксации разговорной речи киевлян, иллюстрирующие русский язык украинской столицы, как, например: *Он сейчас выглядит – ну,*

³ Примеры, зафиксированные из разговорной речи жителей Киева в ходе полевых исследований в 2018–2019 гг., которые приводятся в орфографическом оформлении, максимально приближенном к их фонетическому звучанию.

просто гротеск! (смешение стилей, что характерно для городского киевского коммуникативного кода), *Та я б йим тут всем все ноги повышабала!* (уровень просторечия как норма обыденного общения жителей Киева); *А шо за рука хозяйничает моё пиво? Рука – как комод!* (расшатанность нормы по причине отсутствия чувства языка, вследствие чего возникают подобные оксюмороны); *Я стала сдавать свою квартиру на Владимирской, так у меня в квартире такие элементы завелись – шо просто мельница сплошная!* (авторские экспрессивно-выразительные средства, которые не могут быть паспортизированы, поскольку являются единичными и «рождаются» спонтанно в непринужденной речи, но по узнаваемой модели, однако при этом являются довольно распространенным в русском языковом речевом дискурсе киевлян способом изъяснения); *А шо это за герой пузатый мне тут нарисовался?!* (вольное название, или обращение как создание комического эффекта в рамках непринужденного общения); *в каком количестве едете, мужчина, вас сколько персон?* (синтаксическая расшатанность языковой нормы как форма просторечного стиля коммуникации); *Он меня уже исторически нервирует* (стилистическое смешение вследствие отсутствия чувства языка); *та шоб я перекарябалась об ту тряпку* (звукоподражательные элементы в просторечии под влиянием украинского языка); *женщина, уже давно магазин закрыт, вы что совсем не видите, что написано – зачилено?* (обыгрывание письменного и разговорного стилей); *Потом он разбулся и стал очень босой* (просторечная фонетика в совокупности с отсутствием чувства нормы языка); *Это не автовокзал, а головомойка с прицепом* (авторская фразеологизация речи); *Мужчина, ви що бажаете? – Та я чисто символично смотрю, что у вас тут есть* (отсутствие стилистического чувства языка или языковой компетенции говорящего) и т. п.

В заключение встает вопрос, стоит ли описывать подобную форму «искаженной» нормативной русской речи киевлян? С нашей точки зрения, неоспоримым фактом остается то, что им пользуется многомиллионный славянский мир в рамках одного мегаполиса, следовательно, он, несомненно, представляет собой социолингвистический интерес для исследования и описания. При этом собранный нами в ходе полевых исследований и частично приведенный в настоящей статье фактический языковой материал дает представление о языковой ситуации городского диалекта как уникального в славянском мире и сформированного вследствие целого ряда экстралингвистических факторов.

Литература

- ЗАБУЖКО 2000 = ЗАБУЖКО О. *Подорожуємо Інтернетом*. Львів, 2000.
 КУЗНЕЦОВА–САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2018 = КУЗНЕЦОВА И. В., САВЧЕНКО А. В., ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М. П. Старицкого «За двумя зайцами»). *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. № 2. Чебоксары, 2018. 92–103.

- МАКАРОВА 2004 = МАКАРОВА И. Д. *Языковая ситуация в Любляне и особенности люблянской разговорной речи*. Дисс. ... канд. фил. наук. Москва, 2004.
- МАСЕНКО 1999 = МАСЕНКО Л. *Мова і політика*. Київ, 1999.
- МАСЕНКО–ЗАЛІЗНЯК 2001 = МАСЕНКО Л., ЗАЛІЗНЯК Г. *Мовна ситуація Києва. День сьогоднішній та прийдеший*. Київ, 2001.
- МАЦЮК 2004 = МАЦЮК Р. *Суржик для інтелігенції*. Львів, 2004.
- НЕЩИМЕНКО 2003 = НЕЩИМЕНКО Г. П. *Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций*. Москва, 2003.
- САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2018 = САВЧЕНКО А. В., ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Феномен украинско-русского билингвизма (по результатам полевых исследований в Центральной и Юго-Восточной Украине). В кн.: *Славянский мир. Язык, литература, культура. Материалы международной научной конференции*. Москва, 2018. 336–339.
- УРСУЛЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2007 = УРСУЛЕНКО А. В., ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Функционирование русского языка в украинском контексте. В кн.: *Сборник статей конференции «Славянское языкознание» ко дню славянской письменности*. Коломна, 2007. 45–51.
- ФЛАЙЕР 2010 = ФЛАЙЕР М. С. Суржик или суржики? В кн.: *Исследования по лингвистике и семиотике*. Москва, 2010. 281–295.
- ХМЕЛЕВСКИЙ 2017 = ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. «Языковой портрет» современной Украины. *Komunikacja specjalistyczna*. Т. 13. Warszawa, 2017. 79–105.
- ХМЕЛЕВСКИЙ–РАИНА 2019 = ХМЕЛЕВСКИЙ М. С., РАИНА О. В. Русский язык в современной Центральной и Восточной Украине. *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. Чебоксары, 2019. 47–53.
- ХМЕЛЕВСКИЙ–САВЧЕНКО 2019 = ХМЕЛЕВСКИЙ М. С., САВЧЕНКО А. В. Русскоязычие крупных городов Украины. В кн.: *Новейшая филология. Итоги и перспективы исследований*. Омск, 2019. 118–121.
- ХМЕЛЬКО 2004 = ХМЕЛЬКО В. Є. Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності. В кн.: *Наукові записки НАУКМА*. Т. 32. Соціологічні науки. Київ, 2004. 3–15.
- LONČARIĆ 1998 = LONČARIĆ M. i dr. *Zagrebački kaj – govor grada i prigradskih naselja*. Zagreb, 1998.
- NAZARENKO 2012 = NAZARENKO L. Украинский суржик – социолект, просторечие, пиджин? К вопросу о языковой ситуации на Украине. *Slavica Litteraria* 2012/2: 243–250.
- SESAAR 1996 = SESAAR D. *Putovima slavenskih književnih jezika*. Zagreb, 1996.

M. S. KHMELEVSKIY, O. V. RAINA, A. G. BODROVA

Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

The Language of Modern Kiev as a Phenomenon in the Slavic World (The Results of Sociolinguistic Research)

The current linguistic situation of the Kievian conglomeration which has evolved over the course of several centuries presents itself as a unique subject for linguistic description and study, differing substantially from analogous examples elsewhere in the Slavic world. This paper discusses the sociolinguistic multicodeality of the present-day Kievian urban dialect

with concrete illustrated examples from actual non-staged speech found in Ukraine's capital. We have also included an analysis of the possibilities for such switching (as well as a description of the communicative situations that are linked with this phenomenon). The language is complicated by many other factors, including geographical, ethnic, cultural, socio-political, and historical, as well as the degree of national identity of native speakers and regional heterogeneity. It is often said that there are not two (Left- and Right-Bank Ukraine), even not twenty-two, but rather two hundred twenty-two Ukraines.

It is hardly possible to give a completely accurate assessment of the real language situation in contemporary Kiev, for any statistical data, official proclamations, or linguistic approaches to the interpretation of modern "language reality" mostly have no more than an evaluative character, which is caused by a number of extralinguistic factors and modern political and ideological challenges that have nothing to do with the real language situation.

The complexity of the description of the modern Ukrainian language situation is that it is impossible to talk with certainty about any universals and make unambiguous conclusions regarding the entire Ukrainian ethnic area as a whole. The territory of modern Ukraine (and Kiev) is a many-sided palette with linguistic, cultural, religious, historical, and ethnographic points of view. Historically, the modern Ukrainian territories belonged to different countries, empires, political and religious spheres of influence, which is one of the primary reasons why Ukrainians are heterogeneous in their mentality, degree of national self-identity and, as a result, in any given choice of a particular language code for everyday communication, due to both regional identity and the various historical pasts of the east and west of Ukraine, geographical location, i.e. the proximity to Russian and European culture.

Moreover it is possible to speak about certain kinds of Ukrainian bilingualism: Russian-speaking Ukrainians or Ukrainians using the Russian-Ukrainian mixture, the so-called *surzhyk* in everyday communication actively or often passively speak the literary Ukrainian language (with the exception of some regions in Eastern and Southern Ukraine), using it exclusively in official, formal communication.

Keywords: Ukrainian, Russian, surzhyk, Russian-Ukrainian bilingualism, language code, urban dialect, Ukrainian language situation, language assimilation, Kiev